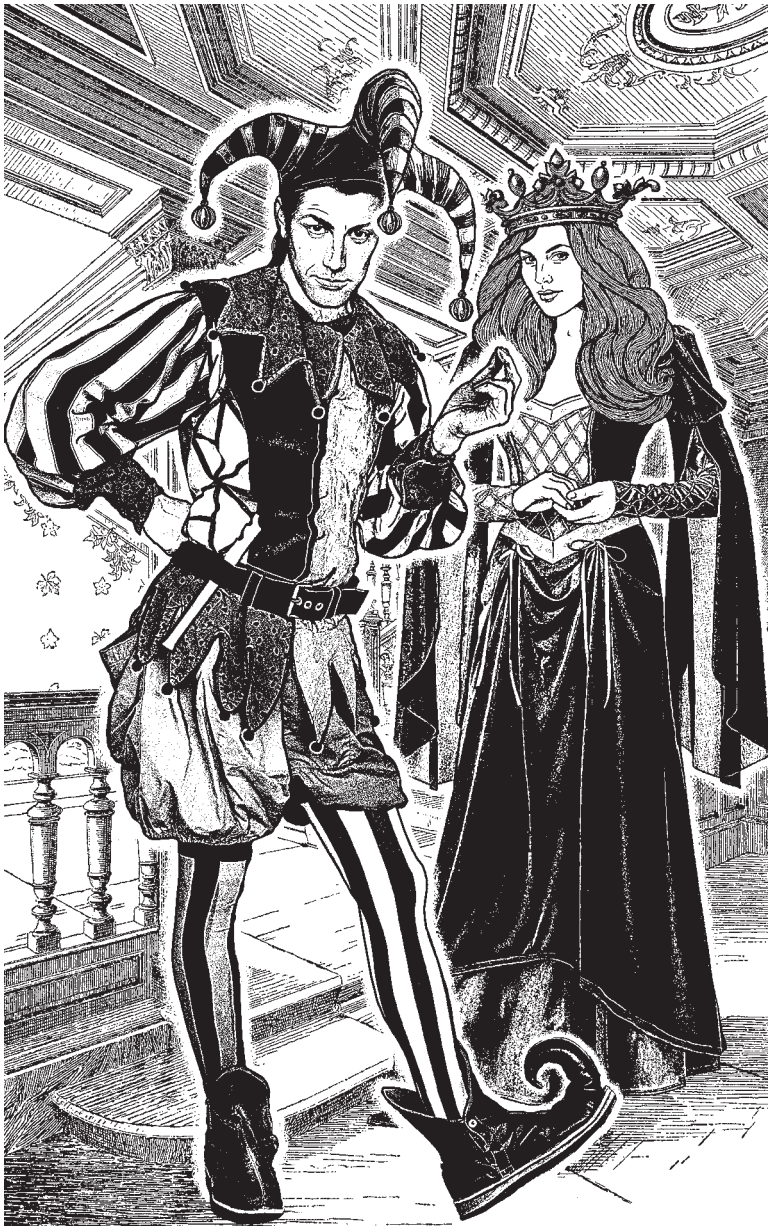

Татьяна Коростышевская

**ЛЕДИ СИРИН ЭНСКОГО УЕЗДА
ПРИЗВАНИЕ — МИНЬОН!**

Татьяна Коростышевская

Призвание- миньон!

Роман

Москва, 2018
САРМАЛА
&
«Издательство А.ПЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К68

Художник
В. Успенская

Коростышевская Т. Г.

К68 Призвание — миньон!: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 280 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2741-3

Королевский миньон должен обладать целым сонмом исключительных качеств. Он должен быть верен своей королеве, умен, хорош собой, куртуазен. Он должен уметь добиваться поставленных задач и не почитать на лаврах после побед. Всем этим в избытке наделен Бастиан Мартере граф Шерези — красавец и льстец, интриган и бретер. И только одно может помешать грядущему величию, то, что наш граф — девушка.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Коростышевская Т. Г., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2741-3

ПРОЛОГ

Царствование королевы Авроры по праву считается золотым веком Ардеры. Много историй того времени осталось в песнях бродячих менестрелей всех пяти королевств, сказаниях, которые передаются в тавернах и у костров путешественников под ночным светом двух авалонских лун — белоснежной Алистер и Нобу, подобной черной жемчужине небес. Королева была умна, она была расчетлива, она была рождена для того, чтобы править. Но эта история не о ней, а о людях, которые помогли ей сделать век Авроры тем самым золотым веком. Эта история о королевских миньонах — козырных валетах, блистательных кавалерах карточной колоды. О мудрейшем Гэбриеле ван Харте, чья хитрость вошла в легенды, о лорде Уолесе, гербовый мятный клевер которого до сих пор украшает стены Королевского университета, о мужественном Оливере Виклунде, чей меч всегда был на стороне справедливости, о талантливом Станисласе Шарле Доре, великом менестреле, и конечно же о Бастиане Мартере Шерези, чья судьба была загадочна, а ослепительный блеск недолог. А впрочем, наша история скорее о Бастиане. О красавчике Басти — бретере и забияке, королевской бестии, занозе в ягодичных мышцах королевских недругов. О валете, который неожиданно оказался джокером, о плуте и трикстере...

Итак, приступим.

История наша началась вовсе не в фамильном замке Шерези, как можно было бы ожидать, а в королевских покоях замка Ардер. Ее величество Аврора, будучи раздраженной склоками внутри двора, вызвала к себе Мармадю-

ка. Этот достойный господин будет играть немалую роль во всех последующих событиях, но пока нам достаточно знать, что власть его при дворе была безмерна, а должность, без добавления величественного «лорд», впрочем называемая редко, звучала как... шут.

— Вы звали меня, моя королева? — Мармадюк окинул ее величество беглым взглядом и устроился в кресле у камина, вытянув к огню ноги в длинноносых башмаках с бубенцами.

Аврора раздраженно тряхнула головой. К слову, королева была хороша собой и выглядела настолько молодо, что внешность ее нередко вводила в заблуждение как иностранных дипломатов, так и местных вельмож.

— Ван Хорн опять дурит, лорд Вальденс недоволен повышением налогов, Турень заблокировал принятие закона о строительстве двух университетов, Большой королевский совет парализован.

— Все плохо?

— Просто ужасно!

— А я говорил вашему величеству, — шут повернулся к собеседнице, — что рано или поздно вам придется выйти замуж за достойного, говорил, что положение женщины на троне шатко? Советую вам оставить свои смешные ужимки королевы-девственницы и выбрать супруга из членов Королевского совета. Канцлер ван Харт — прекрасный претендент. Правда, он женат, но ради такой партии что-нибудь придумает. По слухам, его ум, невзирая на возраст, все так же остер, а супруга уже одной ногой в чертогах Спящего.

— Не хочу! — просто ответила королева.

— Придется воевать.

— И пусть.

— Ты зальешь кровью всю Ардери, от Изумрудного моря до Тиририйских гор. — Шут перешел на «ты» с легкостью, говорящей о близости к трону. — Не этого ты хотела, лавируя между интересами этих вельможных стариков, расширяя территории и проводя реформы. Твой народ только начал оправляться от последствий войны.

Аврора думала, ее прекрасные изумрудные глаза смотрели в одну точку.

— Ты нашел ребенка?

— Да, это мальчик. Последний представитель золотой кости. Его воспитывают какие-то пейзажи.

— Чудесно!

— Аврора, ему пять лет и...

— Значит, у меня еще есть время.

— Для чего?

— Я подарю Ардере новую аристократию, — сказала королева. — Все наши проблемы в том, что у власти стоят люди закоснелые и неумные, я их заменю. Смена поколений, бескровная и мягкая.

Мармадюк хмыкнул, а Аврора, вскочив с кресла, возбужденно заходила по покоям.

— Вели королевскому секретарю составить письма десяти или дюжине захиревших дворянских фамилий. Мы призываем ко двору их наследников.

— По поводу?

— Мы вводим в нашем государстве институт королевских фаворитов, миньонов, которым за близость к трону придется побороться, проявив сноровку, ум и прочие качества. Мы привлечем свежую кровь из провинции.

— А как же твой образ королевы-девственницы?

— Ах, мой дорогой, ну какой девственнице помешает пара-тройка миньонов?

Шут решил, что никакой.

Глава 1

ТАЙНА РОДА ШЕРЕЗИ

Несушки обругали меня последними словами на своем курином наречии, когда я выходила из сарая, прижимая к груди корзину с яйцами.

— Я вас кормлю, — крикнула я через плечо. — А кому что не нравится, та завтра же отправится в суп!

Одна из бесстрашных страдалиц, черная bestия с кудрявым хвостом, еще успела напоследок клюнуть меня в босую пятку.

— Ты первая! Я тебя запомнила, — мстительно сообщила я ей и захлопнула плохо подогнанную дверь сарая.

Полторы дюжины яиц отправились на кухню к кухарке Магде, а я — хозяйничать дальше. Шерезский замок, место моего рождения и обитания, некогда был великолепен. Наверное, скорее всего, так как времен его расцвета я не застала. Батюшка, предпоследний граф Шерези, его благоустройством не занимался, все время посвящая охоте, матушка, на которой он женился уже в преклонном возрасте, на роль хозяйки подходила мало, поэтому и не старалась ей соответствовать. Матушка была художницей, знаменитой, между прочим. Хотя почему была? Она до сих пор художница. И то, что мы худо-бедно остаемся на плаву, невзирая на все повышающиеся налоги, взлетающие цены, регулярный мор домашнего скота и обветшалость замковых строений, целиком ее заслуга. Раз или два в год из-под кисти родительницы выходит новое полотно, продав которое она сразу же погружается в работу над следующим. Сейчас, к примеру, она пишет аллегорическую картину под назва-

нием «Изобилие». Юная красавица Изобилие держит на плече чудовищный витой рог, ее окружают восторженные пейзажи. В ролях восторженных пейзажей матушка уже успела изобразить всех, кто под руку подвернулся, и кухарку Магду, и садовника Франца, и деревенских кумушек, их мужей и детей, а также заезжих мытарей, которым пришлось ликовать девять часов без перерыва, и это их настолько утомило, что налогов мы так и не заплатили. Для Изобилия позирую я, дрожу в прозрачной рубашонке, открывающей плечо и половину груди, держу на плече рог из папье-маше и, когда матушка отворачивается, чтобы смешать краски, отгоняю надоедливых мух от виноградного венка, коим украшены мои кудри.

Матушка считает, что я неплохо сложена и достаточно хороша, чтобы украсить своим изображением стену любой парадной залы в любом уголке любого из пяти королевств. Внешностью я пошла в нее — полногрудая и узкобедрая, с волосами того глубокого оттенка, названного черно-пурпурным, который на солнечном свете дает ярко-красный блеск, черными бровями, которые с возрастом обязательно сомкнутся над переносицей (как это уже произошло у маменьки), но пока лишь подчеркивающими миндалевидный разрез карих глаз, прямым носом с небольшой горбинкой (это уже наследство Шерези) и ртом с чуть поднятыми вверх уголками. Последняя особенность позволяет окружающим считать меня существом приветливым и скорым на улыбку, а мне проще их не разочаровывать. По опыту, человеку приятному в этом мире достается больше, чем всем остальным.

Я подвесила на шею плетеную корзину и, не спеша перебирая руками (дерево было старым, и любая ветвь, выглядящая полной древесного сока, могла оказаться сухой и подломиться под моим весом), полезла на птичью вишню. Магда пообещала мне на ужин пирог, но сама по деревьям лазить не могла в силу преклонного возраста. С высоты мне было видно замок — две островерхие башенки, которые замыкали здание, черепичный скат крыши с островками мха, заросшую дробом и вереском подъездную аллею. Корзинка

наполнилась в считанные минуты, а с ней и мой многострадальный желудок. В ягодный сезон я объедалась темно-пурпурными плодами до икоты. Потому что ничто во всех пяти королевствах не может сравниться с терпко-сладким вкусом спелой птичьей вишни, это я точно вам говорю.

Спускалась я также осторожно, но менее удачно. Одна из ветвей все же подломилась, и я, чертыхнувшись: «Святые бубенцы!» — и прижав к груди корзину, ухнула вниз. Несколько новых ссадин и синяков мне обеспечены.

У самой земли меня поймали сильные мужские руки.

— Какую хорошенькую птичку мне сегодня удалось изловить. — Пьер, мой кавалер и верный (насколько может быть верен половозрелый ардерский деревенский парень) наградил меня страстным поцелуем в шею. — Бастиана!

Я приняла ласку стоически, лишь чуть поморщившись. Уже давно меня терзали смутные сомнения в моем женском естестве, поцелуи мужчин не доставляли мне никакого удовольствия. Наши отношения с Пьером напоминали торговую сделку, он отгонял от меня других парней, а я, в свою очередь, позволяла время от времени лобызать себя в шею, или в локоть, или в запястье, везде, где его буйная фантазия не преступала границ приличий и здравого смысла. Мои подруги, дочь мельника Мари и Сюзетт, чья семья занималась торговлей, в два голоса меня убеждали, что мне давно пора выбросить белый флаг и отдаться своему кавалеру на ложе страсти. Труляля, это именно так у нас называлось. Он и она занимались труляля, а после труляля любовались звездами, а потом опять труляля, если кавалер в состоянии.

Не то чтобы я особо дорожила своей невинностью, но что-то меня останавливало. Пьер владел почетным ремеслом кузнеца и составил бы прекрасную пару для любой девушки. Ведь за утехами постельными часто следует заключение брака. Пьер мне всячески на такое развитие событий намекал, а я делала вид, что намеков не понимаю. Замуж мне было никак нельзя, не только за Пьера, но и вообще. Дело в том, что девушки, которую красавец-кузнец величал

Бастиана и страстно целовал, на самом деле не существовало. А был — Бастиан Мартере Шерези, последний граф достойного рода. Мой батюшка, предпоследний граф, отдал душу Спящему лорду, когда матушка была тяжела. Его вспорол на охоте дикий вепрь. На смертном одре родитель успел передать титул матушкиному животу и отошел. Матушка погоревала некоторое время, написала самую мрачную и безысходную из своих картин, которую приобрел вскорости один меланхоличный маркиз, и в положенный срок разродилась наследником. Он оказался девочкой.

Тут надо заметить, что в наследство от батюшки кроме замка-развалюхи и наследника не того пола леди Шерези достался еще и кузен покойного супруга. Господин Фроше, титулом никогда не обладавший, зато сверх меры желавший хоть каким-то обладать, получил бы его в случае, если бы родственник его помер, не обзаведясь сыном, и получил бы вместе с замком. Господин Фроше в то время, почти восемнадцать лет назад, как стервятник кружил по округе, ожидая матушкиного разрешения от бремени, поэтому леди Шерези сообщила кузену, что родился мальчик, а на скромном, но многолюдном приеме продемонстрировала присутствующим розовощекого наследника и, не чинясь, развернула кружевные пеленки, чтоб все видели полагающиеся наследнику бубенчики.

Подмена ребенка исключалась. Семейный кристалл Шерези, возложенный на младенческий живот, зажегся рубиновым светом, подтверждая чистоту крови.

На память о том событии в главной зале замка висит на стене полотно, на котором все это в подробностях изображено, и младенец в черных кудряшках, и живот его, младенчески пухлый, и кристалл — ограненный ромбом рубин, и бубенчики, великоватые для детского тельца.

Все дело было в том, что леди Консуэло Шерези, в девичестве Аданто, уроженка Домании, несмотря на присущую людям творческим рассеянность, была хитра как сто тысяч господ Фроше. Если внимательно посмотреть на картину, можно заметить, что под грудью младенца, на том месте, где у менее пухлого существа должна была бы находиться

талия, застегнут серебряный пояс. Аксессуар этот — дело рук моей феи, дарующей имена, фаты Илоретты, подарок на рождение наследника. Подарок обошелся матушке дорого, волосы, отданные за услугу, отрастали не один год, но оно того стоило. Фейское колдовство превратило девочку в мальчика и позволило леди Шерези не волноваться, что ее домом и ее титулом завладеет кузен. Еще фата подарила мне имя, но это, кажется, было бесплатно.

Вследствие родовой подмены к восемнадцати годам меня как бы и не существовало на свете, а был граф Шерези, молодой человек крайне болезненный (он, бедняжка, проводил почти все время в одной из замковых башен) и увлеченно путешествующий по всем святым местам, посещение которых его болезни могло излечить. Сейчас он, по слухам, которые наше семейство успешно распускало, вернулся с восхождения на Авалон, где испивал воду святого источника, и заперся, по обыкновению, в башне.

— Бастиана!

Пока я предавалась воспоминаниям и размышлениям, Пьер уже успел уложить меня на поросший травой холмик, остаток замковой стены, и теперь мучился с плотными завязками моих панталончиков.

Я взвизгнула и наградила кавалера оплеухой. Тот не обиделся, оплеухи в наших отношениях были делом привычным.

— Я должен был попробовать. — Пьер многозначительно округлил свои голубые глаза и потер щеку. — Когда-нибудь ты не успеешь меня остановить.

Да уж, когда-нибудь я потеряю бдительность, лет через тридцать, не раньше, уж тогда-то он и развернется на все оставшиеся силы.

А впрочем, зачем ждать? Достойный муж и семейство мне не светят. Подруги уверяют, что, отказываясь от труляля, я теряю очень многое. Может, насколько мне не нравятся мужские поцелуи, настолько понравится все остальное?

— Ты будешь на празднике? — спросил меня Пьер. — Леди Шерези тебя отпустит?

— На празднике сенокоса? Конечно!

Для окружающих я была безродной сиротой, которая живет в замке из милости. Спрашивать разрешения у матушки я не собиралась. Будет весело. Все напьются до животного состояния, будут танцы и песни, к небу взметнется пламя костров, я надена премилое платье, юбки которого должны развеяться в хороводе. Кстати, если я собираюсь возлечь на ложе страсти с красавцем-кузнецом, можно будет это сделать уже сегодня.

— Не танцуй ни с кем, кроме меня, — велел Пьер.

— Не напивайся, — велела я. — Твоя выносливость нам сегодня понадобится.

— Это зачем это?

Мой кавалер иногда проявлял непроходимую тупость.

— До начала праздника я собираюсь посетить фату Илоретту, чтоб разжиться у нее особым зельем, препятствующим зачатию детей.

— Вот оно что. — Пьер почесал свою макушку, заросшую светло-льняными волосами. — А зачем?

— Я собираюсь с тобой переспать, дубина! — торжественно изрекла я и, поднявшись с травы, взяла в руки корзину.

Парень, видно не совладавший со свалившимся на него счастьем, остался лежать.

Магда хлопотала на кухне, единственном помещении в замке, за которое мне было бы не стыдно, появившись здесь даже королева Аврора. Кастрюли блестели, начищенные песком, огонь в плите полыхал, на столе, который полагалось скоблить не менее двух раз в день, подходило тесто для вечернего пирога.

— Куда нам столько? — спросила я, ставя корзину на скамью.

— Господам на ужин, — ответила Магда, — а остальное я отнесу на праздник, и пусть деревенские кумушки умоются. Лучше моих пирогов во всей Ардере не сыщешь.

Это было правдой. Я перебрала ягоды и уже собиралась отправиться к фате Илоретте, в ее уединенное лесное жилище, когда на кухню заглянула моя родительница. Руки

леди Шерези были измазаны краской, а карие, как и у меня, глаза полыхали привычным творческим безумием.

— Куда нам столько? — спросила она и получила от Магды тот же обстоятельный ответ, который был дан и мне на тот же вопрос.

Я потихоньку пятилась к выходу, по опыту зная, что стоит мне хоть на минутку задержаться, мать моя найдет три сотни поручений. Не успела. Леди Шерези остановила меня мановением руки:

— Дщерь моя, пройди в мастерскую. Нам нужно поговорить.

Я послушно поплелась за ней сначала в сад, затем, миновав практичные грядки с овощами, прошла через солярий, чтобы остановиться у мольберта.

— Позировать я сегодня никак не могу. — Сложив руки на груди, я приняла вид самый покаянный. — Простите, матушка.

— Какое позирование? — Матушка порылась на столе, заваленном кистями, обрывками набросков, огрызками яблок, останками виноградных венков с ощипанными ягодами и прочей чепухой. — Где же оно?

К нам в замок еженедельно приходили деревенские женщины для уборки, сюда, в святая святых великой художницы, они не допускались, поэтому в помещении царил обычный для нас хаос.

— Вот! — Леди Шерези двумя пальцами, как дохлую мышь, вытащила свернутый трубочкой пергамент, на котором болталась сургучная печать.

— Королевское повеление? — спросила я с интересом, узнав герб.

— Да? — Матушка развернула документ, пробежала его глазами и отбросила. — Действительно, повеление. Доставлено неделю назад. К сожалению, мы его исполнить не сможем. Мой сын и наследник Шерези слишком слаб здоровьем... Я напишу ответ завтра или на днях. Не то, опять не то!

— Подождите. Что хочет от нас ее величество?

— Ко двору призывается старший сын нашего рода.

— Зачем?

— Да какая разница! — Леди Шерези наконец нашла то, что искала, и протянула мне.

Это тоже был пергамент и тоже с печатью. Господин Фроше, а послание было от него, считал возможным запечатывать корреспонденцию изображением своего самосочиненного герба.

Я прочла.

— Он собирается посетить нас?

— Именно. Кузен желает лично поздравить графа с днем рождения.

— Но это уже завтра?

— Он может прибыть с минуты на минуту.

— Что будем делать?

— Я не знаю, Басти. — Матушка раздраженно пнула мольберт, такое неуважение к творчеству могла себе позволить только она. — Мерзавец нарочно отправил гонца с письмом одновременно с началом собственного путешествия. У нас нет времени подготовиться! Скорее всего, гонец уже разузнал в деревне, что граф дома, и передаст эту информацию Фроше.

— Тайный отъезд графа?

— Господин Фроше потребует отправить погоню и вернуть именинника. Нам нечего будет противопоставить родственному произволу, замаскированному дружелюбию.

Я молчала, не зная, что еще предложить.

— Мы сбежим вместе, — решила матушка. — Скроемся в провинции, я продолжу писать, ты займешься фермерством.

О сельском хозяйстве моя родительница имела представление весьма поверхностное, я бы даже сказала — пасторальное. Мы не выживем без замка. Свободных денег у нас нет, даже на самый скромный домик в самой отдаленной провинции, хотя, по чести, какая провинция отдаленней нашей? Шерези стоит почти на оконечности материка, в десяти лье на юг начинается море, на западе и севере — непроходимые горы.

— Матушка готова снова выйти замуж? — осторожно спросила я.

— Зачем?

— Затем, что в Шерези мы находимся под защитой короны, мы — владельцы этих земель. Как только мы покинем замок, оберегаться придется самим. А так как денег, чтоб заплатить наемникам, у нас нет, единственным шансом на выживание будет брак с каким-нибудь здоровяком, а лучше — здоровяком состоятельным, у которого есть хотя бы два десятка солдат.

— Мы выдадим замуж тебя.

— По каким, позвольте узнать, документам? В любом храме у меня потребуют свидетельство о рождении за подписью фаты, дарующей имена, либо храмового чиновника.

— Я подделаю документы, уж что-что, а рисовать я умею.

— А вы знаете, что в случае поимки мошеннику отрубают правую руку по плечо?

Леди Шерези начала топтать мольберт, что свидетельствовало о крайней степени раздражения. Я продолжила:

— Почему нам нужно бежать? С таким же успехом мы можем открыться перед господином Фроше и отдаться на его милость. Может, он позволит нам остаться?

— И потерять остатки гордости? — Матушка остановилась, глаза ее зло блеснули. — Ты права, бежать — это не выход. Мы покажем мерзкому кузену то, что он хочет.

Родительница быстро прошла в угол, отбросила крышку дубового сундука.

— Держи! — В ее руке оказался серебряный пояс, такой короткий, что мог только дважды обвить мою руку. — Отправляйся к своей фате, дарующей имена. Пусть она удлинит его, чтоб ты смогла подпоясаться.

Я кивнула. Этот замысел пришелся мне по нраву.

Всю дорогу до домика своей феи я провела в размышлениях. Я уже исполняла роль мальчика и ничего сложного в ней не видела. Конечно, я была тогда младенцем, но, если уж существо, пускающее пузыри изо рта и марающее пе-

ленки, способно изобразить противоположный пол, я те-перешняя смогу и подавно. Чем отличаются мужчины от женщин, я имею в виду, кроме внешности? Обращением, походкой и иной формой приветствия. Обычаем предписа-но всем складывать перед грудью ладони так, чтобы пальцы изобразили треугольник. Только женщины опускают его острым углом вниз, как бы признавая верховенство жен-ского — достойных жен Спящего лорда — Нобу и Алистер, а мужчины, напротив, поднимают угол вверх в честь лорда Солнце. Я покрутила руками так и эдак. Ничего сложного. Я — мужчина граф Шерези, поэтому здороваюсь и молюсь именно так. Теперь походка. Я попыталась идти чуть рас-ставив ноги в стороны, будто только что слезла с упитанно-го коня.

К домику фаты Илоретты вела дорожка, усыпанная реч-ной галькой, извивалась она меж живописных зарослей уже отцветающего дрека. Лет пятьдесят назад, судя по рас-сказам старожилков, фея велела селянам вырубить прилич-ный лоскут леса, чтобы обустроить себе такую красоту. Еще у фаты было личное озерцо, куда прочим путь был за-казан по причине его волшебности, и поляна, на которой она, видимо, танцевала свои фейские танцы в ночи, когда наступало полнолуние одной из авалонских лун. То есть уединение моей феи, дающей имена, было относительным, и, если бы не безграничное уважение, которым фата Ило-ретта пользовалась у местных жителей, здесь было бы не продохнуть от охотников, желающих подстрелить зайца, и от рыбаков (в озерце водилась жирная форель), и от влюбленных парочек — хотя кусты дрека к труляля и не располагали в силу своей колючести, от влюбленных где угодно не продохнуть.

Домики феи, опять же по традиции, располагался в толще холма. Я постучала в светлую полированную дверь, пред-ставилась и, ничего не услышав в ответ, дернула за веревоч-ку, отодвигающую внутренний засов. Илоретта сидела в изящном кресле, выточенном столярами из дубового пня, у ног ее на шерстяном коврик обнаружился молодой чело-век, шатен с зеленовато-карими глазами и мелкими черта-

ми лица, с мандолиной наперевес. Когда я вошла, он как раз заканчивал исполнение романтической баллады. Приятный голос. Фата, когда затихли последние аккорды, изящно промокнула глаза:

— Великолепно, Станислас. Мастерство твое велико и достойно услаждать слух авалонских фей.

Молодой человек к похвале остался равнодушен, он не сводил с фаты влюбленного взгляда, и мне показалось, что смысл ее слов от него ускользнул.

Влюбиться в фею — что может быть безумней! Она же старуха, старше его, старше нас обоих вместе, да, скорее всего, она даже старше Шерезского замка. Всем известно, что феи — существа бессмертные, или почти бессмертные. Да, благодаря волшебству Илоретта выглядит молодой девушкой, но разве он не замечает холода, которым дышат ее неподвижные черты, не видит вековую мудрость ее глаз, алых, как рубины? Или в его краях — а судя по костюму, молодой человек прибыл издалека, не знают, насколько коварны феи?

— Дщерь моя, — хозяйка наконец обратила на меня свой алый взор, — ты по делу или просто соскучилась?

— Скучала безмерно, матушка, — к фате, дарующей имена, именно так и надлежало обращаться, — без ваших мудрых советов и чарующего голоса.

Илоретта улыбнулась. Зубки у нее были острые, как у мелкого зверька.

— Тогда давай пройдем в кабинет, где ты сможешь поведать мне о своих страданиях.

Словам моим она, конечно, не поверила, но я к этому и не стремилась. Иноземный менестрель остался сидеть на коврике, а мы прошли за драпировку в смежную комнату. Кабинет фаты был затхл, темен, пах мышами и густым травяным варевом, томящимся в тигле над магическим огнем камина.

— Хорош кавалер? — зашептала заговорщицки Илоретта. — В столицу с побережья путешествует.

— А у вас как оказался?

— Заплутал, — хихикнула фея, и я поняла, что заплутал иноземец не без ее помощи. — А поет как! Его и самим королевам показать не стыдно.

Королевы имелись в виду не земные, а, так сказать, небесные, феи-покровительницы Нобу и Алистер.

— Вы действительно отправите его туда? — Я подняла палец вверх, ибо обитали покровительницы на Авалоне — высочайшей горе нашего мира.

— Это будет хороший подарок. — Фата вспомнила, что никто просто поболтать к ней не ходит, и сменила тему. — Чего тебе понадобилось, дочь?

— Вот. — Я развязала узелок, который до сего момента прятала за корсажем платья. — Маменька просит вас эту штуку удлинить, чтоб на меня налезла.

— Не могу.

— Почему?

— Потому. — Сочтя ответ достаточно емким, Илоретта подошла к камину и, вооружившись деревянной ложкой, принялась помешивать содержимое тигля.

— А нельзя ли отказать мне более развернуто? — спросила я, подпустив в голос аристократического холодка.

Хоть фата и фея, с местными владельцами ей ссориться не с руки. Она же по их фейским меркам никто, изгнанница. Нормальные феи среди людей не живут. А раз так, то напомнить ей, кто в наших краях решения принимает, дело нелишнее.

— Смена пола — колдовство непростое, — после паузы, во время которой выражение ее лица несколько не поменялось, ответила Илоретта. — Условий множество, сложное заклинание, и объект должен быть чист в помыслах и телесно.

«Неужели стоило перед визитом ванну принять?» — подумала я и кивнула, приглашая продолжить.

— Такое можно только с девственницей проверить.

— Какое удачное совпадение, — кисло проговорила я и поморщилась.

— Неужели? — Алые глаза феи смерили мою фигуру и остановились на груди. — Как тебе это удалось?

— Ценой нечеловеческих усилий. Так что, вы сможете удлинить пояс?

— Ну раз так, то конечно. — Она отбросила ложку и схватила цепь. — На пару часов работы. А вам с матушкой на этот раз зачем?

— Господин Фроше желает графа с днем рождения поздравить. — Моя фата, дающая имена, была в курсе наших семейных дел, так что таиться перед ней смысла не имело.

— Волосы отдашь все, — предупредила она.

— Кроме одной прядки. — Торговаться я любила. — За эту последнюю вы мне зелья от зачатия нальете.

Илоретта захихикала:

— И кто же этот счастливец? А впрочем, не важно. Если ты собираешься свою роль графа отбыть, а потом сразу с парнями кувыркаться, никакое зелье не поможет. Две-три луны пройти должно, иначе, с зельем или без зелья, с первого же раза понесешь. Это плата за колдовство.

Я посчитала чуть не на пальцах. Получается, Пьеру придется ждать обещанного до зимы. Ничего, подождет. Труляля графа, даже не графини, а графа — это не рядовое событие, ни одному кузнецу этого не удавалось, пусть готовится.

— Хорошо. — Я грустно пожала плечами. — Тогда давайте договоримся, что последнюю прядку вы возьмете сегодня, а зелье я через три луны заберу.

Торг закончился. Фата велела мне выйти и подождать в другой комнате. Уж не знаю, что авалонские феи делают с волосами, которые получают от нас, людей, но, кажется, потребность в них в волшебном мире постоянна. Я вышла за драпировку. Менестрель, уже несколько пришедший в себя, сидел на краешке дубового кресла, перебирая струны. Я прислонилась к стене. Юноша взглянул на меня вполне заинтересованно, видимо, прикидывал, стоит ли уступать мне место, и решил, что много чести. Одета я была как деревенская девка, к тому же босиком, так что его решение понимала вполне.

Чтобы как-то занять время, я стала думать, где в ближайшую пару часов можно раздобыть мужскую одежду для

графы, припомнила, что в его, графа, покоях стоит сундук, оставшийся еще от папеньки. Скорее всего, мужчина из меня получится не рослый, так что придется браться за иглу. Шить я умела неплохо, впрочем, как и вязать, ткать полотно и плести кружева. Матушке в силу ее основных занятий моим воспитанием заниматься было недосуг, поэтому все свое время с младенчества я проводила либо с Магдой на кухне, либо в швейной комнате, где дюжина деревенских работниц обычно трудились в счет ремесленного оброка. Магда говорит, что матушка настаивала только на личном кормлении, отказавшись пригласить на роль молочной няньки кого-нибудь из занимающихся этим женщин.

— Девушка, — отвлек меня от мыслей менестрель.

— Что желаете, ваша милость?

Он обратился ко мне «девушка», значит, точно принял за крестьянку. А менестрель-то непрост. На поясе его я заметила ремennую петлю, видимо, для меча, да и одежда, простая, но добротная, скорее всего, обычно скрывалась доспехом. Рыцарь? Дворянин? Тогда почему без сопровождения? Как бы он не решил, что в ожидании феи сможет скоротать время со мной самым приятным для мужчины образом. Ну то есть за труляля. Дворяне с крестьянскими красотками не особо церемонятся, а у меня даже Пьера под рукой нет, чтобы защитил.

— Присядь, милая, — предложил собеседник.

«Точно сейчас попытается под юбку залезть», — решила я, но юноша поднялся с кресла и отошел от него шага на два, демонстрируя как чистоту помыслов, так и непривычную вежливость.

Последняя меня умилила. Я присела на предложенное место, расправила подол небеленой юбки и благодарно улыбнулась.

— Откуда вы, ваша милость? Издалека?

— Из Доремара, — ответил он. — Это замок на побережье. Меня зовут Станислас Шарль Доре.

После этих слов Станислас поклонился, мне стало неловко за босые ноги, поэтому в ответ я не представилась, лишь еще шире улыбнувшись.

— А моя дама...

— Вы имеете в виду фату Илоретту?

— Именно. Понимаешь, милая, в наших краях совсем нет фей, и я просто не представляю, как за ними принято ухаживать. Ты можешь мне рассказать, что она любит, что будет ей приятно?

— Вы сделали для нее вполне достаточно, пообещав отправиться на Авалон, чтоб развлекать своим пением волшебный двор.

Юноша переменился в лице:

— Я ничего такого не обещал.

— Поздно на попятный идти, — с улыбкой успокоила я его. — Отбудете на Авалоне с полгодика и вернетесь. Правда, там время по-иному течет, у нас здесь лет двадцать пройдет, наверно.

— П-почему поздно? — От моих утешений менестрель стал заикаться.

— Ну вы же ели здесь что-то. — Я обвела рукой помещение, остановив жест в направлении круглого столика с яствами и вином. — А всем известно, что тот, кто фейскую еду попробует или питье пригубит...

— Я ничего не ел.

— Тогда не поздно, — вздохнула я.

Если Илоретта узнает, что ее свежепойманный менестрель моими стараниями из капкана выбрался...

— Так я могу уйти?

— Идите, — разрешила я.

— И мне это ничем не грозит?

— Лошади ваши где?

Он же не пешком с побережья пришел? Значит, верхом, а если верхом, то еще для доспеха лошадь нужна, для клади, а если Станислас этот хоть немного торопился, значит, еще запасная кобылка именно под седока не помешает.

Менестрель хмыкнул, охнул, переменился в лице, запустил в свои кудри свободную от инструмента пятерню:

— На постоялом дворе?

— Вы не уверены?

— Мы остановились в деревне... Шип... Шоп... Шнак...

— Шерези?

— Да, точно. Был прекрасный вечер, луны изливали на землю свой загадочный блеск. Сверкание звезд, легкий северный ветерок. Я вышел прогуляться, чтоб не участвовать в привычном моим ратникам застолье.

— А так как естественные надобности требуют уединения, удалились от постоялого двора за забор?

— Ну да.

— И заметили, к примеру, светлячков, которые будто приглашали вас?

— Да. Крохотных волшебных созданий, которые хором своим увлекли меня по тропинке.

— А ваша милость всегда для исполнения надобностей с собою мандолину берет?

— Я с ней не расстаюсь, милая, — покраснел менестрель.

Спрашивается, зачем я в уточнения пустилась, куда шел, зачем шел, будто мне есть до этого хоть какое-то дело? Если честно, я тянула время, ожидая, что фата вернется в комнату и опять очарует милого юношу. Деревенские поговаривали, что Илоретта на всех мужчин подобным образом воздействует, что стоит ей только взглянуть в его сторону своими алыми глазами, тот на все готов, лишь бы рядом быть.

Станислас все мялся у двери, не решаясь на побег. И тут меня посетила еще одна мысль:

— Позвольте узнать ваш титул, милорд.

— Виконт Доре, — ответил менестрель. — Сын и наследник графа Доре, который...

Наследник! Догадайтесь, кого обвинит достойный родитель иноземного менестреля, когда весть о его отбытии на Авалон достигнет Доремара? Точно не фату, а владельца, на чьих землях она проживает.

— Ступайте, — велела я Станисласу. — Не сходите с тропы, вы окажетесь в деревне меньше чем за час.

— Но...

Я вскочила с кресла и решительно выставила наследника за дверь.

— Неужели вы желаете провести двадцать лет вдали от родни и друзей? Вы вернетесь в совсем другой мир. Доре-маром будут владеть ваши дальние родственники, ибо линия наследования прервется на вас!

Захотелось отвесить нерешительному виконту оплеуху, с Пьером это неплохо помогало, но я решила не усердствовать. Деревенская девка, раздающая указания аристократу, — это уже за гранью добра и зла, удивительно, что я сама еще зуботычину не получила.

Наконец он решился, забросил за спину инструмент и побрел по тропинке.

— Передай великолепной Илоретте, — обернулся он через плечо, — что я сочиню в ее честь самую нежную балладу.

— Всенепременно.

— И что только долг крови, долг дворянина заставил меня покинуть ее.

Я кивала и кланялась.

— Как тебя зовут, милая девушка?

— Мари Сюзетт, — представилась я сразу двумя своими подругами и захлопнула дверь.

Балладу он, к слову, сочинил. Тягучую и полную аллюзий, о любви к волшебной деве озера юного пастушка, который расстается с невестой Мари Сюзетт ради того, чтобы вечность провести с возлюбленной. Песне этой долгие годы обожали внимать нежные девы всех пяти королевств.

Следующие несколько часов я провела в одиночестве и в борьбе с голодом. Фейские яства манили и вызывали слюноотделение.

Из-за драпировки появилась Илоретта, у нее был вид человека после долгого трудового дня.

— Получилось? — вскочила я с кресла.

— Неужели ты, дочь моя, сомневалась в этом? — Фата хихикнула, затем посерьезнела, заметив отсутствие менестреля. — Где крошка Станислас?

— Надеюсь, по дороге в... Ну куда он там шел, пока вы не заманили его в свои сети.

— Ты его отпустила?! — вскрикнула фея и прижала к груди слегка покрытые копотью руки.

— А должна была сторожить?

— Ты бестия!

— А вы чуть было не совершили ошибку, матушка! Ошибку, которая стоила бы нам всем если не жизни, то спокойствия точно!

— Поясни! — Илоретта величественно опустилась в кресло, освобожденное мной.

— Крошка Станислас — наследник графа Доре, владельца Доремара.

Единственное, по моему мнению, преимущество долгой жизни, это то, что с возрастом нас настигает мудрость, ну или житейский опыт, вполне за нее сходящий. Фата соображала очень быстро. По крайней мере, через пять минут она перестала искрить негодованием и процедила:

— Прости, я не знала.

— Мы вовремя это обнаружили, — матушка, настоящая, а не давшая имя, прекрасно научила меня распределять ответственность за принятые решения, — и отпустили виконта с миром.

Фата не возразила, я поняла, что продолжения темы не будет. Но сейчас следовало уступить собеседнице первенство, чтобы погасить ее раздражение. Поэтому я просто молчала, сложив губы в самую милую и жалобную из своих улыбок.

— Пойдем. — Фата наконец поднялась с кресла. — Сначала отдашь положенное, потом примеришь обновку.

— А наоборот никак? — Я прошла вслед за феей в кабинет, где царил разгром, но на столе лежал волшебный пояс вполне взрослого размера. — Просто ну мне же надо прикинуть...

— Бестия. — Илоретта улыбнулась. — Раздевайся, торгашка.

Я быстро распустила шнуровку, стянула платье, оставшись только в панталончиках и нижней рубаше. Фея тем

временем отодвинула из угла сундук и достала из-за него мутноватое, но вполне отполированное медное зеркало.

— Дальше раздевайся, — велела она, прислоняя зеркало к стене. — Колдовство объемное, все тело затронет.

Я повиновалась без возражений, скинув остатки одежды на пол, распрямилась и, подняв руки, поправила несколько выбившихся из прически прядок. Прическа моя только называлась так, на самом деле я обычно просто заплетала волосы в косу и обматывала ее вокруг головы, скрепляя шпильками. Волос было много, и, если бы не необходимость рано или поздно расстаться с ними в обмен на фейские услуги, я бы и сама их давно остригла до удобной длины.

Я искоса посмотрела в зеркало. Голая грудастая дева, голова которой из-за массивной прически и искажений зеркальной поверхности выглядит просто огромной.

— Крекс, фекс, пекс, — пробормотала фея и щелчком застегнула на моей талии пояс. — Любуйся!

Я полюбовалась, покраснела. Мужчина из меня действительно получился мелковатый, да и не выросла я, кажется, ни на дюйм. Зато исчезла грудь, на гладком обычно животе обнаружились мышцы, плечи, тоже мускулистые, слегка расширились. Я скользнула взглядом вниз и вскрикнула:

— Это что?

— Что?

— Вот это вот?

— Ничего.

— В том то и дело, что ничего! У мужчины здесь должны быть бубенчики! А я выгляжу как ярмарочная кукла без одежды!

— На бубенчики, моя дорогая дочь, мне не хватило материала, — твердо ответила фата. — Неужели ты думала, что я превращу тебя в настоящего кавалера? Или намеревалась кувыркаться на сеновале с деревенскими девками?

— Почему это не хватило? — Когда споришь, главное, не начинать оправдываться, объяснять, что никаких таких кувырканий я не планировала, этому меня тоже матушка

научила. — У меня груди на два комплекта прекрасных бубенчиков хватило бы!

— А плечи?

— Лучше бы у меня плеч не было!

Спорить и ругаться становилось все труднее и труднее. Алые очи фаты так нестерпимо блестели, и пахло от нее очень... возбуждающе, у меня даже заныло где-то в районе несуществующих бубенчиков, кровь стала горячей, во рту пересохло. Правильно, я же сейчас мужчина, хотя и не совсем комплектный, так что любовные чары Илоретты на меня действуют.

Дрожащими пальцами я расстегнула пояс и успела подхватить его до того, как он упал.

— Тебе же только на пару дней это колдовство нужно, — проговорила фея, доставая из сундука огромные, какими стригут овец, ножницы. — Подложишь что-нибудь в гульфик для объема, никто и не заметит.

— Когда я была младенцем, вы мне бубенчики наколдовали. — Руки еще немного дрожали, когда я стала натягивать одежду. — У нас в замке историческое полотно на эту тему висит.

— А ты посчитай, сколько пальцев у графа, что на историческом полотне. — Фата щелкнула ножницами, разрезая воздух. — Голову наклони, пора расплачиваться.

Я повиновалась. Шпильки, звеня, посыпались вниз, затем освободившиеся волосы упали до самого пола. Расплата длилась минут пять, не больше, и после того, как все закончилось, я ощутила невероятную легкость и даже какой-то прилив сил.

Пока Илоретта складывала черную копну в льняной мешок, я опять подошла к зеркалу. Вопреки ожиданиям остригли меня не наголо, оставив приличествующую для мужчины длину. Я собрала на затылке плотный хвост, затянув его первой попавшейся под руку лентой, зловредная непослушная прядка тут же выскользнула, упав на правую бровь. Я сдула ее, тряхнула головой и улыбнулась своему отражению. Новый облик мне невероятно понравился.

— Надолго вашего колдовства хватит? — Пояс я упаковала в узелок и спрятала за корсажем.

— Да хоть на всю жизнь, — рассмеялась фея, ополаскивая руки над медным тазом. — Если, конечно, ты выдержишь, сохранишь невинность и не будешь забывать раз в луну, когда Нобу являет нам свой полный диск, проводить ночь без пояса и желательно погруженной в воду.

— А вода зачем?

— Затем, что мужской вид тебе дарует королева Нобу, которая покровительствует водной стихии.

— Спасибо, — вполне искренне поблагодарила я фею. — Вы очень нам помогли.

— Возвращайся, когда волосы отрастут, — попрощалась Илоретта. — Хорошие они у тебя.

— А зачем феям человеческие волосы? — спросила я уже на пороге.

— Это тайна, дочь.

Дверь за моей спиной захлопнулась. Вот и все. Я натянула на голову заранее припасенный льняной чепец и отправилась навстречу приключениям.

До замка я добралась, избегая любых встреч. Новую прическу до времени не стоило никому показывать. Подруги сразу же догадаются о причине моей внезапной потери, ну то есть о том, что волосы мои теперь у Илоретты. Об остальном они никогда не узнают. Тайна Шерези умрет вместе со мной, с последним графом рода. Кстати о графах. Я специально сделала крюк, чтобы пройти через главную залу и пересчитать те самые пальцы. В творчестве своем матушка врать не умела, поэтому изящно драпированный пеленками младенец конечности свои не прятал. Методом тщательного подсчета я выяснила, что бубенчики стоили графу четырех мизинцев, и, если бы не их эпичные размеры (я не мизинцы имею в виду), изъяны наследника я бы могла заметить и раньше.

Все же маменька — мастер. Столь тонко расставить акценты, при этом ни на гран не погрешив против истины, не всякому живописцу по плечу.

С верхней балюстрады на меня прикрикнула сама родительница:

— Басти, ты нерасторопна!

Я задрала голову:

— Могу с вами поспорить.

Матушка успела переодеться, голову ее украшал конусовидный эннен со шлейфом, похожий на головной убор феи, а плечи — тканый серебром плащ, который на моей памяти из сундука не доставался ни разу. Я охнула и взбежала по ступеням.

— Они подъезжают, — подтвердила леди Шерези мою догадку. — Господин Фроше с супругой и дочерьми, а также их свита! Франц был в деревне и прибежал в замок со всех ног, чтоб нас предупредить.

— Надеюсь, они не с пустыми руками, — спокойно сказала я, — ибо прокормить такую ораву мы не в состоянии.

— Они ожидают праздничный прием в честь дня рождения графа!

— Мы отведем их на деревенский праздник в честь сенноса, не думаю, что они заметят разницу.

— Нам негде их разместить!

— Человек, высылающий весть о своем приезде в день приезда, должен был сам об этом позаботиться. К тому же дядюшка осведомлен о болезнях, — я кашлянула в кулак, — графа.

Матушка посмотрела на меня с радостным удивлением, затем кивнула:

— Отправляйтесь в свои покои, граф. Я велела Магде собрать все свои старческие силы и помочь тебе одеться.

— Как вам будет угодно, миледи.

Я поднялась по винтовой лесенке в круглую спальню левой замковой башни. Сама я обитала в правой, крыша которой была целее и не пропускала сквозь себя десятки литров воды при любом дожде. Зато здесь был оборудован личный клозет — закуток, вынесенный за край кладки и нависающий над замковым рвом.

Магда ждала меня у ложа, на котором были разложены предметы мужского гардероба.

— Илоретта справилась с заданием? — Кухарка отметила мою новую прическу.

— Частично. — Я скинула одежду и развязала узелок. — Смотри!

Застежка пояса шелкнула, я покрутилась на месте, демонстрируя недостатки фейской работы.

— Неплохо. — Магда прищурилась, наклонилась, приглядываясь, покачала головой. — Придется что-нибудь подложить в гюльфик.

Она помогла мне облачиться в мужской костюм, плохо сидящий, ибо на тщательную подгонку времени уже не оставалось. Батюшка мой был гораздо уже в плечах и шире в талии, поэтому панталоны свободно болтались, а камзол чуть не трещал по швам. Магда велела мне вдеть нитку в иголку и, вооружившись ножницами, принялась прямо на мне подпарывать швы и подшивать лишнее. Зеркало в покоях графа было одно — отполированный медный поднос, в котором рассмотреть себя я могла только по частям.

— Не вертись, — шикнула на меня женщина, потом, смутившись, сменила тон: — Простите, милорд. Не были ли вы так любезны поднять руки?

Я послушно поднимала и опускала руки, затем, когда подгонка закончилась, я натянула сапоги, пришедшиеся почти впору, и прошлась по комнате, отмечая удобство мужской одежды, поставила ногу на стул, чтобы проверить максимально возможную ширину шага.

— Великолепно.

Из каких-то лоскутков Магда соорудила нечто вроде игольной подушечки, и я подложила этот предмет под гюльфик.

Пройтись с ним было затруднительно. Во-первых, ткань шуршала, во-вторых, при каждом шаге подушечка норовила сползти в штанину и после некоторой тренировки я могла уже управлять, в какую именно штанину она направится — в правую или в левую.

Магда тихонько ругнулась, задумчиво пожевала губами:

— Нужен другой материал.

Экспериментальным методом мы выяснили, что ни колокольчик для вызова прислуги, ни старая чернильница, ни флакончик духов на роль графовых бубенчиков не подходит.

— Извольте подождать, милорд, — велела кухарка и похромала прочь.

До ее возвращения я успела вдоволь покривляться перед зеркалом и проговорить начало баллады о Спящем лорде. Голос мой тоже изменился, стал хрипловатым и мужским.

Вернувшись из своего похода, Магда торжественно положила на стол нечто округлое, размером с дамский кулачок. Поверхность предмета была шершавой, а по форме он напоминал...

— Что это?

— Коко-де-мер — морской кокос, сильнейшее возбуждающее средство.

— И каким же образом этот коко-де-мер оказался в Шезези?

— Купила как-то по случаю у бродячего торговца, — ответила кухарка и густо покраснела. — Довольно давно.

— Не пригодился?

Мне не ответили, и я решила не настаивать, тем более что диковинный плод (или семя?) за счет своей изогнутой двусегментной формы и шершавой кожи стал на место как влитой, никуда не вываливался, демонстрируя всем желающим немалое графское достоинство.

— А поменьше коко-де-меров у того торговца не было? — спросила я, держа зеркало перед животом.

— Этот еще самый маленький, — усмехнулась женщина, — там и по полтуазу громадины предлагались.

В комнату вбежала маменька, предусмотрительно присев, пересекая дверной проем, иначе головной убор зацепился бы за верхнюю притолоку.

— Прекрасно, сын мой, чудесно, — зашебетала она, разглядывая плод совместных усилий фаты Илоретты и Магды. — Гости уже прибыли. Представь себе, мой дорогой, дядюшка Фроше разбил лагерь в замковом парке, не желая нас ничем стеснять.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Тайна рода Шерези	8
<i>Глава 2.</i> Граф, которого нет	37
<i>Глава 3.</i> Четыре против трех	62
<i>Глава 4.</i> Отбор, бусики и дуэль	87
<i>Глава 5.</i> Медные миньоны	114
<i>Глава 6.</i> Семь свободных дисциплин	141
<i>Глава 7.</i> Первые уроки	169
<i>Глава 8.</i> Охота за серебром	195
<i>Глава 9.</i> Долгие ночи, короткие дни	226
<i>Глава 10.</i> Заключительный аккорд	253